ЧЕРНИГОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ НАЧАЛА 40-хъ ГОДОВЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Печатая настоящую статью г. Рудановскаго, мы считаемъ себя обязанными, какъ по отношенію къ читателямъ, такъ и по отношенію къ самому автору, сдѣлать нѣсколько предварительныхъ оговорокъ.

Въ № 5-мъ текущаго года въ статьѣ „Воспоминанія Іосифа Самчевскаго“ мелькомъ упомянуто было о личности Ѳ. А. Китченка, назначеннаго по рекомендаціи Судіенка инспекторомъ Черниговской гимназіи. Воспользовавшись этимъ случаемъ, мы въ примѣчаніи помѣстили дополнительныя замѣтки о личности Китченка, любезно доставленныя намъ однимъ изъ бывшихъ учениковъ этой гимназіи и вполнѣ согласовавшіяся съ тѣми свѣдѣніями, какія имѣлись у насъ и раньше изъ другихъ источниковъ. Недавно нами получена отъ одного изъ учениковъ г. Китченка первыхъ годовъ его пребыванія въ Черниговѣ печатаемая ниже статья, иначе освѣщающая и оцѣнивающая личность этого педагога.

Съ одной стороны, желая соблюсти вполнѣ безпристрастное отношеніе къ фактамъ, отошедшимъ уже въ область исторіи, а съ другой—не видя особеннаго противорѣчія въ печатаемой теперь характеристикѣ г. Китченка съ тѣми данными, какія были сообщены раньше, такъ-какъ рѣчь идетъ о разныхъ эпохахъ (а вѣдь въ дѣятельности педагога десятокъ лѣтъ иногда даетъ невѣроятныя перемѣны!)—мы помѣщаемъ статью г. Л. Руданов-

скаго въ полномъ ея объемѣ, тѣмъ болѣе, что центръ тяжести всей статьи заключается совсѣмъ не въ освѣщеніи личности г. Китченка, а въ прекрасной характеристикѣ педагоговъ Черниговской гимназіи начала 40-хъ годовъ.

Еще одна оговорка. Л. Рудановскій, не читавшій воспоминаній Іосифа Самчевскаго въ нашемъ журналѣ, а знакомый съ ними только изъ выдержекъ, напечатанныхъ въ „Новомъ Времени", впадаетъ въ ошибку, приписывая Самчевскому отзывъ о Китченкѣ, кажущійся ему рѣзкимъ. Считаемъ нужнымъ еще разъ подчеркнуть, что этотъ отзывъ принадлежитъ не Самчевскому, а одному изъ бывшихъ учениковъ Черниговской гимназіи.

Въ № 6542 газеты „Новое Время", въ отдѣлѣ „Среди газетъ и журналовъ", помѣщены выдержки изъ напечатанныхъ въ „Кіевской Старинѣ" воспоминаній Самчевскаго, изображающія въ самыхъ мрачныхъ краскахъ дѣятельность бывшаго инспектора Черниговской гимназіи, Китченка.

Тономъ очевидца и непосредственнаго свидѣтеля Самчевскій говоритъ: „сѣченіе учениковъ было для Китченка истиннымъ наслажденіемъ: это *единственный его трудъ на педагогическомъ поприщѣ. Кромѣ сѣченія онъ ровно ничего не дѣлалъ*";— „каждый день онъ подвергалъ истязаніямъ не менѣе 50-ти учениковъ; многіе наказывались по два раза";—„вопль и плачъ дѣтей оглашали все зданіе гимназіи". Въ видѣ иллюстраціи, разсказывается, что ученика Джогина Китченко преслѣдовалъ систематически и истязалъ до такой степени, что отъ красиваго, розоваго и выхоленнаго мальчика осталась лишь тѣнь и что когда пріѣхавшая черезъ годъ мать „увидѣла своего сына блѣднымъ и замученнымъ, съ нею сдѣлался обморокъ; она такъ рыдала, что всѣ ученики прослезились". Далѣе высказывается удивленіе, какъ директоръ Невѣровъ „допустилъ устройство Китченкомъ застѣнка въ помѣщеніи Мины", своего приспѣшника, „гдѣ проливалась кровь дѣтей". „Чрезвычайно странное совпаденіе", говоритъ Самчевскій: „съ одной стороны добрый, гуманный, ученый, идеально честный директоръ (такъ говорятъ

близко знавшіе Невѣрова), а съ другой — Китченко, положительное воплощеніе звѣря, палача".

Я воспитывался въ Черниговской гимназіи съ 1840 по 1846 г.; при мнѣ, въ 1841 или 42 г., былъ назначенъ инспекторомъ Китченко. Какъ современникъ описываемой Самчевскимъ эпохи и очевидецъ происходившаго въ гимназіи въ первыя 4—5 лѣтъ инспекторства Китченка, я положительно утверждаю, что сообщаемыя Самчевскимъ свѣдѣнія невѣрны и крайне преувеличены, что краски наложены имъ слишкомъ густо и грубо: ни воплей, ни стоновъ въ гимназіи не слышалось, каждодневныхъ экзекуцій не происходило, кровь учениковъ не лилась; все это плодъ слишкомъ пылкой фантазіи. Джогиныхъ, двухъ братьевъ, я зналъ лично; младшій, о которомъ, судя по описанію наружности, говоритъ Самчевскій, никакимъ истязаніямъ не подвергался; мелодраматической сцены обморока матери при видѣ блѣднаго и измученнаго сына и общихъ рыданій положительно не было. Наказывать розгами по 50 учениковъ въ день было невозможно уже потому, что высшіе классы, начиная съ 4-го, освобождались тогда отъ тѣлеснаго наказанія по личному усмотрѣнію, безъ постановленія совѣта, а въ 3-хъ параллельныхъ низшихъ всѣхъ учениковъ было около 150. Китченко, правда, былъ строгъ и если наказывалъ, то наказывалъ сильно; но случаи наказаній были нечасты; импонировалъ отъ не столько наказаніями, сколько суровымъ и властнымъ тономъ отрывистой и рѣзкой рѣчи; для лѣнтяевъ и неисправимыхъ шалуновъ онъ былъ дѣйствительно грозенъ; прилежные же и развитые ученики если не любили, то цѣнили Китченка за добро, какое онъ сдѣлалъ для гимназіи, и за водворенный имъ въ ней порядокъ.

Но не въ этихъ преувеличеніяхъ и вымыслахъ главный грѣхъ автора воспоминаній. Еще болѣе грѣшитъ онъ, утверждая, что „сѣченіе учениковъ — единственный трудъ Китченка на педагогическомъ поприщѣ. Кромѣ сѣченія онъ ровно ничего не дѣлалъ". Въ этихъ словахъ такая вопіющая неправда и такая возмутительная несправедливость по отношенію къ Ѳ. А Китченку, о которомъ я сохраняю самое признательное вос-

поминаніе, что считаю нравственною обязанностью принять на себя, въ видахъ возстановленія истины, нелегкій въ мои годы трудъ печатнаго опроверженія взводимой на него напраслины.

Оговариваюсь, что буду говорить только о первыхъ 4—5 годахъ инспекторства Китченка. Какова была дѣятельность его послѣ 1846 г. въ Черниговѣ, а потомъ въ роли директора Житомирской гимназіи, я не знаю. На моей сторонѣ преимущество непосредственнаго очевиднаго свидѣтельства, въ то время какъ Самчевскій, не имѣвшій въ мое время ничего общаго съ Черниговскою гимназіею, говоритъ только по слухамъ, принятымъ на вѣру безъ всякой провѣрки.

Утверждаю, что Ѳ. А. Китченко сдѣлалъ для Черниговской гимназіи много, очень много: онъ ее рѣшительно пересоздалъ. Чтобы оцѣнить заслугу его въ этомъ отношеніи, необходимо бросить взглядъ на то, чѣмъ была эта гимназія до назначенія его инспекторомъ.

Приходится разбудить уснувшія было и покрытыя 50-тилѣтнею давностію воспоминанія и представить прежде всего характеристику начальствовавшаго и наставническаго персонала.

Директоромъ былъ Як. Павл. Ростовцевъ. Средняго роста, худощавый старикъ, съ изрѣзаннымъ глубокими морщинами небольшимъ лицемъ, съ откинутою назадъ головою, увѣнчанною зачесанными вверхъ сѣдоватыми волосами, онъ 3—4 раза въ году обходилъ классы. Дверь шумно распахивалась сторожемъ, и въ комнату положительно влеталъ директоръ; круто остановившись посрединѣ и не отвѣчая на общій поклонъ, онъ быстро одинъ за другимъ дѣлалъ вопросы учителю — чѣмъ занимаетесь? какъ они (т. е. ученики) у васъ? за что наказаны (всегда стояло нѣсколько человѣкъ на колѣняхъ)?—и, не выжидая отвѣта, такъ-же быстро вылеталъ въ ту-же, или въ противоположную дверь. Этими рѣдкими визитаціями исчерпывалась, по отношенію по крайней мѣрѣ къ намъ, ученикамъ, дѣятельность директора; никого изъ насъ онъ не зналъ и успѣхами нашими не интересовался, на способъ и пріемы преподаванія никакого вліянія не оказывалъ; держалъ себя весьма надменно и прини-

малъ просителей, даже дома, въ халатѣ (что впрочемъ было въ духѣ того патріархальнаго времени).

Совершенную по внѣшности противоположность директору представлялъ инспекторъ Ив. Матв. Сбитневъ. Насколько первый былъ быстръ и стремителенъ въ движеніяхъ и рѣчи, настолько послѣдній былъ медлителенъ, торжественъ и важенъ: медленная поступь; руки сложенныя на груди; неторопливая, размѣренная рѣчь; выраженіе благодушія и благоволенія на лицѣ; отсутствіе всякой энергіи и иниціативы въ характерѣ. Одинаково съ директоромъ, онъ никакого вниманія на преподаваніе не обращалъ; съ учениками обращался привѣтливо и ласково, строгимъ наказаніямъ ихъ не подвергалъ, но донималъ отеческими, весьма длинными нотаціями; о поведеніи же и нравственности ихъ весьма мало заботился.

При столь равнодушномъ отношеніи къ дѣлу начальниковъ, въ преподаваніи господствовала крайняя рутина; среди учениковъ—неразвитость и нравственная неряшливость.

Составъ учителей былъ, за немногими отрадными исключеніями, невообразимо плохъ. Большинство изъ нихъ перешло при учрежденіи гимназіи изъ прежняго 4-хъ класснаго училища и имѣло весьма невысокій образовательный цензъ. Ученіе состояло въ дословномъ зазубриваніи убійственныхъ учебниковъ того времени; учителя не давали, да и не могли давать, по ограниченности знаній и развитія, какихъ-либо объясненій и дополненій. Нѣкоторые отличались невоздержностію и нерѣдко являлись на уроки въ нетрезвомъ состояніи; иные были по своимъ нравственнымъ и умственнымъ свойствамъ предметомъ глумленія и насмѣшекъ учениковъ и, понятно, никакого нравственно-развивающаго вліянія на нихъ имѣть не могли. Въ низшихъ классахъ — ручная расправа, битье линейками и палками по рукамъ, квалифицированное колѣнопреклоненіе на гречкѣ или горохѣ при засученныхъ инекспресибляхъ, оставленіе безъ обѣда — были обычнымъ явленіемъ и при томъ, чѣмъ хуже былъ учитель, чѣмъ меньше могъ онъ импонировать личными качествами, тѣмъ чаще прибѣгалъ онъ къ такимъ искусственнымъ средствамъ возбужденія къ себѣ уваженія. Нѣкото-

рые изъ нихъ живо рисуются теперь въ моей пробужденной памяти.

Законоучитель, соборный протоіерей, о. Петръ Шишовъ—высокій, довольно плотный старикъ, съ жиденькою остроконечною бородкою—всегда являлся въ классъ съ толстою въ кожаномъ переплетѣ библіей, которая служила нерѣдко орудіемъ вразумленій для непонятливыхъ учениковъ. Онъ былъ очень добръ, но необыкновенно горячъ и вспыльчивъ. Ученіе начиналось выслушиваніемъ заданнаго урока, при чемъ половина класа обыкновенно ставилась на колѣни, а по головамъ наиболѣе лѣнивыхъ и непонятливыхъ прохаживалась библія. Потомъ назначался новый урокъ—„до сюда"; объясненія если и давались, то такъ невразумительно, что даже наиболѣе способные не могли понять ихъ; о нравственной сторонѣ религіи, о разъясненіи догматовъ христіанства, значенія таинствъ и церковной обрядности—помину не было. Требовалось дословное заучиваніе безъ всякихъ добавленій.

Учитель географіи Кондратьевъ, средняго роста, съ круглымъ брюшкомъ и отвислою нижнею губою, являлся нерѣдко въ весьма возбужденномъ состояніи, что тотчасъ же по нѣкоторымъ твердо изученнымъ признакамъ подмѣчалось наблюдательнымъ дѣтскимъ глазомъ. Смущенныя лица невыучившихъ урока тогда просвѣтлялись, книги складывались, на всѣхъ устахъ появлялась улыбка въ предвкушеніи предстоящаго спектакля. А спектакли бывали дѣйствительно интересны. Онъ посвящалъ дѣтей въ самыя интимныя подробности своего хозяйства и своей семейной жизни, разсказывалъ безконечное множество чудесныхъ случаевъ, въ которыхъ всегда игралъ самую дѣятельную роль. Разсказъ слѣдовалъ за разсказомъ, съ своеобразной жестикуляціей и мимикой; время уходило; слышался звонокъ, и учитель, торопливо указавъ слѣдующій урокъ, быстро удалялся. Не то бывало при нормальномъ состояніи: сперва просматривались рапортички т. наз. аудиторовъ, и получившіе дурныя отмѣтки ставились на колѣни; потомъ спрашивался урокъ; учитель бывалъ строгъ и суровъ, число колѣнопреклоненныхъ увеличивалось. Затѣмъ производилось объясненіе слѣ-

дующаго урока, т. е. собственно не объясненіе, а повтореніе того же учебника, съ тою же массою ничего неговорящихъ названій городовъ, озеръ и рѣкъ и съ тѣми же кожевенными, салотопенными и мыловаренными заводами, которые, оказывалось, составляли особенности всѣхъ городовъ россійскаго царства отъ Чухломы до Кобелякъ; голосъ учителя постепенно возвышался и доходилъ до крика при произнесеніи нѣкоторыхъ любимыхъ названій, какъ Титтикака, Маракаибо и т. под. Урокъ оканчивался. Учитель, видимо довольный собою, переходилъ въ обычный добродушный тонъ; наказанные прощались, и въ заключеніе разсказывался заранѣе припасенный анекдотъ, возбуждавшій общій хохотъ, подъ шумъ котораго учитель удалялся. Онъ былъ человѣкъ добрый, но ученики не питали къ нему ни малѣйшаго уваженія и подсмѣивались надъ его безконечнымъ враньемъ.

Учитель русскаго языка Розовъ—смирный человѣкъ, съ грязно-желтымъ цвѣтомъ лица и длиннымъ, вѣчно перепачканнымъ въ табакѣ носомъ—читалъ по грамматикѣ Востокова, которую зналъ наизусть и требовалъ того-же отъ питомцевъ. Объясненія заключались въ перефразировкѣ сказаннаго въ учебникѣ и ничему не научали. Диктовку поручалъ лучшему ученику, а самъ засыпалъ; этимъ пользовались шалуны, и начинались различныя игры—сперва тихо, потомъ громче и громче. Кто-нибудь вскрикивалъ, учитель просыпался, и начиналась среди общаго хохота, расправа: классъ наполнялся поставленными на колѣни. Иногда Розовъ приходилъ въ поэтическое настроеніе и могильнымъ голосомъ, съ сильно провинціальнымъ акцентомъ, начиналъ декламировать стихи. Любимыми были—„О, сизокрылая ласточка, о, миловидная птичка“, или Востоковское „Хоть весною и тепленько...“. Декламація эта, при оригинальной, а въ этихъ случаяхъ и умиленной фигурѣ учителя и при его глухомъ, замогильномъ голосѣ, была такъ комична, что мы съ трудомъ удерживались отъ смѣха. Вліянія на учениковъ онъ не имѣлъ никакого; его не уважали и нерѣдко глумились надъ нимъ.

Учитель французскаго языка—Фешо, изъ барабанщиковъ великой арміи, попавшій въ плѣнъ и оставшійся здѣсь просвѣщать россійское юношество. Коротенькій, толстый человѣкъ, переваливавшійся при ходьбѣ, съ торчащими бровями, придававшими его комичной фигурѣ уморительный характеръ, почти всегда притомъ пьяный, онъ, не смотря на 30-лѣтнее житье въ Россіи, не зналъ ни одного почти русскаго слова. Въ ожиданіи его прихода ученики выстраивались передъ дверью въ двѣ паралельныя шеренги; при появленіи учителя раздавались крики—bonjour mr Fechau, мяуканье, визгъ, свистъ; двоетрое мальчугановъ выскакивали изъ рядовъ и выдѣлывали передъ нимъ невозможные антрша: иной кувыркался черезъ голову, иной шелъ на четверенькахъ, третій нацѣпливалъ сзади бумажку на пуговицу вицмундира. Фешо торжественно вступалъ въ классъ, съ словами—„grosses bêtes, polissons! я будетъ сѣкалъ". Но нѣсколько любезныхъ словъ, нѣсколько маленькихъ услугъ,—и добрый старикъ успокаивался. Начинался урокъ. Ученики не понимали учителя, учитель учениковъ, и въ результатѣ никто ничему не выучивался; многіе читали, выговаривая каждую букву, а тѣ, кто зналъ что-либо до поступленія въ гимназію, забывали прежнее. Обыкновенно ученики тѣсною толпою окружали учительскій столъ, отвѣчая на вопросы разомъ, кому что вздумается; шумъ, гамъ, свистъ раздавались въ классѣ. Какой-нибудь мальчуганъ, пристраиваясь сзади, все прицѣливался ладонью къ плѣши учителя и, наконецъ, не соразмѣривъ движеній, звонко хлопалъ по лысинѣ. Иногда производилось бомбардированіе учителя катышками пережеванной бумаги. Терпѣніе Фешо истощалось, онъ звалъ инспектора. Неторопливою походкою, со сложенными накрестъ руками, являлся нахмуренный Иванъ Матвѣевичъ; производилось разслѣдованіе; дѣти не выдавали товарищей, виновныхъ не оказывалось. Все оканчивалось чувствительною нотаціею и приказаніемъ извиниться, что и исполнялось къ общему удовлетворенію.

Учитель нѣмецкаго языка Ратынскій, больше извѣстный подъ данною школьниками кличкою „гаметеръ", къ которой онъ такъ привыкъ, что и самъ откликался, если къ ней при-

бавлялось слово „герръ“. Толстый, рябой, неряшливый и необычайно трусливый чудакъ, въ косо накинутой на плечи шинели, одна пола которой, волочившаяся по землѣ, всегда была въ грязи, съ обмотаннымъ вокругъ шеи грязнымъ шерстянымъ платкомъ и съ толстою, наполненною книгами и бумагами, папкою подъ мышкою. Онъ также былъ предметомъ общаго глумленія. Легенда шла, что нѣкогда онъ былъ выдающимся по способностямъ и трудолюбію воспитанникомъ виленскаго университета и готовился къ профессурѣ; но что гроза, разразившаяся надъ университетомъ, до того потрясла его робкую и пугливую натуру, что онъ остался запуганнымъ и всего боящимся на всю жизнь. Крайняя бѣдность, обусловленная необходимостью жить съ семьей на одно тогдашнее нищенское жалованье, довершила приниженность этого подававшаго было большія надежды человѣка. Ученики продѣлывали съ нимъ безобразныя, но казавшіяся тогда только забавными, штуки: то собирали между собою нѣсколько мѣдныхъ монетъ и представляли ему, какъ найденныя, съ вопросомъ, не онъ ли потерялъ? „О, да, meine Lieben, я сгубилемъ“, отвѣчалъ онъ, поспѣшно схватывалъ ихъ и опускалъ въ свой карманъ;—то приносили съ собою нѣсколько купленныхъ на базарѣ селедокъ или толстыхъ блиновъ и незамѣтно вкладывали въ его папку; при выходѣ шалость обнаруживалась; учитель, нисколько не сердясь, завязывалъ находку въ свой носовой, перепачканный въ табакѣ, платокъ и уносилъ съ собою;—иногда кто-нибудь, въ разсчетѣ на невѣроятную трусливость учителя, вскрикивалъ: „инспекторъ или директоръ идетъ“! Бѣдный Ратынскій блѣднѣлъ и растерывался: дрожащими руками старался пригладить волосы и растрепывалъ ихъ еще больше, силился застегнуть вицъ-мундиръ и не могъ....; наконецъ раздавался общій хохотъ. Поняв шутку, онъ успокаивался и такъ бывалъ радъ минованію тревоги, что не сердился даже на шалуновъ. Училъ онъ порядочно; у него была своя весьма правильная система преподаванія; но всѣ усилія разбивались о господствовавшее тогда нерасположеніе къ нѣмецкому языку, такъ что выучивались у него чему-нибудь очень немногіе. Нравственнаго вліянія на учениковъ онъ

не имѣлъ никакого; его жалѣли, но не уважали и, при случаѣ, зло подсмѣивались.

Общимъ пугаломъ, предъ которымъ трепетали распущенные школьники, былъ учитель латинскаго языка Климовскій. Онъ былъ непомѣрно строгъ и взыскивалъ за всякую ошибку въ склоненіяхъ и спряженіяхъ и въ безконечныхъ исключеніяхъ изъ правилъ; къ ручной расправѣ онъ, правда, не прибѣгалъ, но наибольшая часть наказанныхъ голодомъ и розгами приходились на его долю. Его боялись, отъ него бѣгали, а потому нравственнаго вліянія онъ имѣть не могъ.

Если эту галлерею дополнить учителемъ рисованія и чистописанія, дряхлымъ и вѣчно пьянымъ старикомъ Зайцевымъ, любившимъ ругаться неприличными словами, и преемникомъ его—молодымъ, непомѣрно длиннымъ господиномъ, имѣвшимъ дурную привычку наказывать за ошибку въ письмѣ или кляксу по рукамъ толстою палкою, и, наконецъ, добрымъ чудакомъ Народоставскимъ, учившимъ всему понемногу, то будетъ исчерпанъ весь учительскій персоналъ низшихъ классовъ. Кто былъ учителемъ математики—не помню; но именно изъ того, что въ памяти моей не сохранилось никакихъ слѣдовъ отъ этой личности, я заключаю, что онъ былъ человѣкомъ довольно безцвѣтнымъ и ничѣмъ не выдававшимся ни въ хорошую, ни въ дурную сторону.

Отъ названныхъ учителей мы не слышали ни одного живого слова, ни одного нравственно-руководящаго наставленія; рутина и пошлый педантизмъ господствовали въ преподаваніи; никто и ничто не будило мысли; работала одна память, вызубривая массу неосмысленныхъ правилъ и фактовъ. Ограниченность умственнаго развитія и низменность нравственнаго уровня большинства учителей производили деморализующее вліяніе. Спало все: спало начальство; полусонными, а часто—пьяными являлись на уроки нерѣшливые учителя; въ дремотномъ состояніи пребывали питомцы, находя исходъ избытку молодыхъ силъ въ болѣе или менѣе грубыхъ шалостяхъ.

Оговариваюсь: учителей старшихъ классовъ я, находясь во 2 и 3 классѣ, не зналъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ которыми пришлось познакомиться позднѣе, скажу впослѣдствіи.

И вотъ въ это сонное царство, въ затхлую среду этихъ непризванныхъ педагоговъ вступилъ, въ качествѣ инспектора, Фед. Андр. Китченко.

Директоръ, съ закинутою назадъ болѣе чѣмъ когда-либо и растрепанною головою, провелъ его по классамъ и представилъ ему учителей и учениковъ. Средняго роста, худощавый, смуглый брюнетъ, съ небольшими висячими бакенбардами, онъ всею своею небольшою, какъ бы сбитою, фигурою, упорнымъ взглядомъ строгихъ глазъ, твердою поступью согнутыхъ въ колѣняхъ ногъ выявлялъ рѣшительный и твердый характеръ и сильную волю. Директоръ передъ нимъ какъ-то стушевывался. Впечатлѣніе, произведенное имъ на учениковъ и учителей, было различно. Мы, дѣти, инстинктивно поняли, что въ этомъ довольно благообразномъ и щеголевато одѣтомъ человѣкѣ есть нѣчто новое для насъ, незаурядное; мы сразу безсознательно насторожились и встрепенулись. Учителя, избалованные патріархальнымъ отношеніемъ къ нимъ Ивана Матвѣевича, встрѣтили новаго инспектора угловатыми поклонами, подобіемъ улыбки на лицахъ и съ оттѣнкомъ независимости во взглядахъ. Вслѣдъ за уходомъ посѣтителей, Кондратьевъ сообщилъ, что Китченко долженъ быть очень силенъ: онъ зналъ такого же худощаваго человѣка, который поднималъ одною рукою 25 пуд.; самъ онъ, Кондратьевъ, одинъ разъ перебросилъ 2-хъ пуд. гирю черезъ крышу своего дома съ такою силою, что гиря зарылась на аршинъ въ землю. Народоставскій задался вопросомъ, происходитъ ли фамилія Китченко отъ слова „китъ“ или „кичиться“. Фешо заявилъ на своемъ невозможномъ языкѣ, что онъ желаетъ, чтобы „Jean Matthieu“ оставался инспекторомъ и что новаго онъ не хочетъ. Зайцевъ ничего не сказалъ, потому что былъ пьянъ до неспособности даже выругаться. Одинъ Ратынскій, отдохнувши послѣ пережитаго страха, замѣтилъ: „то не Ив. Матв.; prędko zobaczymy“. Вообще же впечатлѣніе было скорѣе спокойное, чѣмъ тревожное.

Послѣдовавшія за оффиціальнымъ вступленіемъ въ должность первыя недѣли какъ бы оправдывали оптимизмъ учителей. Китченко являлся въ гимназію къ началу занятій и знакомился съ учителями, посѣщалъ ихъ уроки, у иныхъ по нѣскольку разъ; ни одобренія, ни порицанія не высказывалъ, замѣчаній не дѣлалъ. Знакомился съ бытомъ учениковъ, обходя часто ихъ квартиры, разспрашивая объ условіяхъ жизни, требуя отъ хозяевъ чистоты и опрятности въ квартирахъ и доброкачественности даваемой ими дѣтямъ пищи. Было нѣсколько случаевъ наказаній за шалости и лѣность, убѣдившіе насъ, что новый инспекторъ шутить не любитъ.

Казалось, все шло обычнымъ порядкомъ; никакихъ перемѣнъ впереди не предвидѣлось, ни тревогъ, ни опасеній никѣмъ не ожидалось.

И вдругъ грянулъ громъ. „Стонъ и вопли", по выраженію Самчевскаго, раздались въ гимназіи, но не въ средѣ учениковъ, а учителей. Большая часть ихъ была постепенно уволена въ отставку. Первымъ ушелъ о. Шишовъ, за нимъ послѣдовали Кондратьевъ, Розовъ, Фешо, Климовскій, Зайцевъ и нѣсколько другихъ изъ высшихъ классовъ, фамилій которыхъ не помню. На смѣну ихъ явились молодые преподаватели съ университетскимъ образованіемъ, съумѣвшіе осмыслить и оживить преподаваніе и возбудить въ ученикахъ любознательность и охоту къ ученію. Все встрепенулось и поднялось; наступила для гимназіи новая эра ея существованія.

Конечно, Китченко не былъ единственнымъ виновникомъ совершившейся перемѣны. Почва для нея была подготовлена предшествовавшей ревизіей, обнаружившей невозможно жалкое состояніе гимназіи. Его заслуга заключается въ томъ, что, благодаря его энергической настойчивости, преобразованіе совершилось съ непривычною въ то время быстротою и рѣшительностію, и что при этомъ онъ сумѣлъ отличить овецъ отъ козлищъ и сохранить для гимназіи изъ учительскаго персонала все, что было въ немъ порядочнаго и полезнаго.

Остались: въ низшихъ классахъ Ратынскій и Народоставскій, въ высшихъ Мокіевскій, Больманъ и Паевскій. Скажу, что припомню о трехъ послѣднихъ.

Учитель латинскаго языка, незабвенный Павелъ Ив. Мокіевскій былъ почтенный плотный старикъ, выше средняго роста, съ рябоватымъ широкимъ лицомъ и постоянною доброю улыбкою на устахъ. Онъ не былъ красивъ, но въ его небольшихъ сѣрыхъ глазахъ свѣтилось столько доброты, сердечности, благорасположенности и участія ко всѣмъ, что не любить его было невозможно, и мы всѣ любили и глубоко уважали эту славную личность.

Какъ преподаватель, Павелъ Ив. близко подходилъ къ типу того идеальнаго воспитателя, какой нарисованъ Гоголемъ во 2-й части Мертвыхъ Душъ. Большой латинистъ и глубокій знатокъ римской исторіи и римскаго быта, онъ страстно любилъ свой предметъ и умѣлъ заинтересовать имъ питомцевъ. Весьма своеобразное преподаваніе заключалось въ заучиваніи словъ и идіомовъ языка, въ переводахъ и объяснительномъ чтеніи классическихъ авторовъ, переходя постепенно отъ легчайшихъ по изложенію къ болѣе и болѣе труднымъ, при чемъ попутно объяснялись особенности и формы языка не въ видѣ сухихъ правилъ, а въ живомъ изложеніи. Заучиваніе словъ не было обязательнымъ, а предоставлялось усмотрѣнію и желанію каждаго. Но мы знали, какое удовольствіе доставляло Павлу Ив. знаніе возможно бо́льшаго числа словъ, и другъ передъ другомъ старались его утѣшить. Слова и фразы, взятыя изъ назначеннаго для перевода мѣста, выписывались каждымъ въ отдѣльныя тетрадки, съ подсчетомъ числа ихъ; тетрадки эти клались, предъ приходомъ учителя, на столъ, и чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ веселѣе становилось лицо Павла Ив., тѣмъ шире расплывалась на лицѣ его добрая, милая улыбка. Съ чувствомъ полнаго удовлетворенія заносилъ онъ въ свой журналъ число выученныхъ каждымъ словъ и дѣлалъ провѣрку нѣкоторыхъ случайно вынутыхъ тетрадокъ. Нѣкоторые ученики доходили до виртуозности и „сдавали“ до тысячи словъ каждогодно, средняя же цифра колебалась между тремя и шестью сотнями. Затѣмъ начиналось спрашиваніе назначенныхъ на урокъ переводовъ. При удачныхъ отвѣтахъ доброе лицо учителя сіяло, при неудачныхъ же на немъ выражалось такое огор-

ченіе, что всѣ мы проникались негодованіемъ и укоризною по отношенію къ лѣнивцу, огорчившему Павла Ив. Никакихъ наказаній не полагалось, никогда мы не слышали отъ него грубаго и рѣзкаго слова. „Жаль, очень жаль", говаривалъ онъ по адресу незнающаго урока, переходя на „вы", что̀ одно считалось уже наказаніемъ; „жаль васъ;—не перейдете въ слѣдующій классъ, огорчите вашихъ родителей". Этимъ ограничивался выговоръ, но провинившійся, подъ его нравственною тяжестію и подъ укоризненными взорами товарищей, чувствовалъ себя весьма неловко и въ большинствѣ случаевъ старался исправиться: неисправимыхъ и безусловно плохихъ учениковъ у Павла Ив. совсѣмъ не бывало.

Самой занимательной и многополезной частью уроковъ Павла Ив. было объяснительное чтеніе классическихъ авторовъ. Постепенно, шагъ за шагомъ, со строгою послѣдовательностью знакомилъ онъ насъ съ характеромъ и смысломъ древнеримскаго быта, останавливаясь преимущественно на подвигахъ самоотверженной любви къ родинѣ, преданности идеѣ, гуманности и справедливости. Передавая эти подвиги своимъ яснымъ образнымъ языкомъ, увлекаясь ими самъ, онъ заронялъ въ молодыя воспріимчивыя души сознательную любовь къ родной землѣ, чувства добра и правды.

Непривычная современному уху скандировка стиховъ пріобрѣтала въ устахъ учителя, подъ вліяніемъ умиленія и чувства, какими онъ бывалъ проникнутъ, особую нѣжность и торжественность.

Вліяніе его на учениковъ было громадно; въ *„докитченковское"* время онъ одинъ только, да развѣ еще Больманъ, будилъ мысль и возбуждалъ любознательность.

Павелъ Ив. никогда не былъ женатъ и жилъ въ полномъ одиночествѣ. Гимназія замѣняла ему семью, ученики были его дѣтьми, составляли предметъ его заботъ, тревогъ и, по временамъ, торжества.

Миръ праху нашего милаго, добраго старика-наставника! Много поколѣній учениковъ прошло предъ его любящимъ взоромъ и получило отъ него задатки чести, добра и правды. Увѣ-

ренъ, что никто изъ насъ не вспомнитъ о немъ безъ чувства глубокой любви и сердечной признательности.

Учитель физики Больманъ, высокій, плотный, красивый брюнетъ, всегда невозмутимо спокойный, зналъ основательно свой предметъ и, несмотря на затрудненіе съ русскою рѣчью, излагалъ его ясно и вразумительно. Онъ избѣгалъ сложныхъ формулъ и вычисленій и, при полномъ отсутствіи пособій, давалъ вполнѣ отчетливое представленіе о физическихъ явленіяхъ. Въ частной жизни онъ держался особнякомъ, не сходясь съ коллегами.

Совершенно иной типъ представлялъ собою учитель исторіи Ив. Ив. Паевскій. Худощавый, молодой человѣкъ, небольшого роста, очень опрятный, весь какой-то прилизанный, онъ отличался точностію и аккуратностью. Манкировокъ уроками и опаздываній у него не полагалось. Твердо выучивъ наизусть тогдашніе учебники—всеобщей исторіи Кайданова и русской—Устрялова, онъ требовалъ и отъ учениковъ дословнаго заучиванія; никакихъ измѣненій, даже перестановки словъ не допускалось: стукъ костлявыхъ пальцевъ по столу и недовольное „то нѣтакъ“ (sic) сразу водворяли порядокъ. До Карамзина онъ не доходилъ, къ новымъ тогда учебникамъ Смарагдова и Соловьева относился скептически и, какъ только Смарагдовъ смѣнилъ оффиціально Кайданова, призналъ для себя затруднительнымъ заучивать наизусть новый учебникъ и поторопился воспользоваться предложеніемъ перемѣнить свой неудобоизлагаемый предметъ на занятіе латинскимъ языкомъ въ младшихъ классахъ, гдѣ, конечно, былъ болѣе на мѣстѣ. Впослѣдствіи Паевскій долгое время занималъ должность нотаріуса, вполнѣ подходящую къ его педантичнымъ и экономическимъ наклонностямъ, и умеръ недавно въ глубокой старости.

Какъ учитель исторіи, И. И. не выходилъ изъ тѣсныхъ рамокъ учебниковъ; уроки его заключались въ дословномъ произнесеніи того, что ученики обязывались выучивать также дословно [1]); вліянія на учениковъ не имѣлъ никакого, уваженіемъ

[1]) Причемъ съ особымъ пафосомъ и съ глазами, съуженными отъ наслажденія, произносилъ фразы, въ родѣ: „изъ глубины Азіи тучи варваровъ нахлынули

съ ихъ стороны не пользовался, напротивъ, былъ предметомъ вышучиваній и школьныхъ шалостей. Заранѣе, напримѣръ, подыскивались синонимы, умышленноприлагательныя переставлялись обратно учебнику: ученикъ говорилъ—„Дмитрій Донской умеръ“, а учитель съ обычнымъ стукомъ поправлялъ „преставился“, „Александръ Невскій скончался“,—поправка „опочилъ въ Бозѣ“; „Петръ Великій“—„нѣтакъ, Великій Петръ“, и далѣе безъ конца; учитель волновался, стукъ учащался и въ результатѣ—дурныя отмѣтки и, по временамъ, приглашеніе инспектора для водворенія порядка.

Иногда школьничество принимало другія формы: учитель имѣлъ привычку, спрашивая уроки, ходить по классу и по временамъ останавливаться, налегая на первую партію; школьники подмѣчали, въ какихъ брюкахъ приходилъ онъ въ гимназію, и если въ свѣтлыхъ, то лицевая доска партіи спѣшно натиралась мягкимъ карандашемъ: учитель перепачкивалъ свои свѣтлые брюки; если въ темныхъ, то приготовлялся мѣлъ, и когда онъ, ходя по классу, направлялся въ одну сторону, партія за спиною его натиралась мѣломъ: послѣдствія были тѣже. Иногда какой-нибудь бойкій ученикъ прочитывалъ предъ уроками соотвѣтственныя мѣста въ исторіяхъ Карамзина или Смарагдова и вставлялъ въ отвѣтъ заимствованные оттуда свѣдѣнія, или же отвѣчалъ урокъ своими словами; учитель недоумѣвалъ, растеривался, останавливалъ, стучалъ; ученикъ возражалъ, ссылаясь на источники; происходила бурная сцена, и либеральный школьникъ терялъ надолго расположеніе наставника.

Другою заботою Китченка съ самаго начала было улучшеніе по возможности быта учениковъ.

До него дѣти состоятельныхъ родителей помѣщались на квартирахъ у инспектора (у директора, кажется, пансіонеровъ не бывало), нѣкоторыхъ учителей и въ частномъ пансіонѣ вѣчно пьянаго нѣмца Капеллера. Это была ученическая аристократія.

(sic) на русскую землю“, или „на горизонтѣ русской исторіи появилась свѣтозарная звѣзда: это былъ геній Петра Вел.“.

Разсчитывая на вліяніе и заступничество хозяевъ, ученики эти пользовались льготою ничего не дѣлать, не всегда являться на уроки и, между тѣмъ, быть постоянно переводимыми въ высшіе классы и получать большую часть школьныхъ наградъ. Капелляръ же за наградами для своихъ квартирантовъ не гонялся, но путемъ заискиваній, угощеній и подарковъ достигалъ переводовъ въ слѣдующіе классы. Такія поблажки совершались открыто, безъ всякихъ маскировокъ, возбуждая въ юныхъ сердцахъ чувство горечи отъ сознанія неправды. Остальные ученики жили—немногіе у родителей и родственниковъ, а большинство на частныхъ квартирахъ, человѣкъ по 10 и 20 вмѣстѣ. Что это были за квартиры — гадко вспомнить. Оплачивались онѣ, правда, дешево—рубля по 3 въ мѣсяцъ со столомъ и не болѣе 1 руб. безъ стола, но за то и услугъ отъ хозяевъ мало полагалось. Еще пища, благодаря баснословной тогдашней дешевизнѣ, была сносная и приготовлялась изъ свѣжихъ припасовъ, хотя безвкусно и неряшливо; но въ самыхъ помѣщеніяхъ—невообразимая грязь, неряшливость, отсутствіе самыхъ примитивныхъ удобствъ, смѣшеніе возрастовъ было обычнымъ явленіемъ. Въ лучшемъ случаѣ взрослые ученики, а такихъ въ то малокультурное время было много, избирали для себя самую отдаленную комнату и пребывали тамъ большею частію при закрытыхъ дверяхъ; тамъ же, гдѣ уединяться по расположенію комнатъ было нельзя, всѣ безцеремонныя отправленія здоровыхъ, брадатыхъ юношей, до водки, картъ и гетеръ включительно, совершались предъ глазами дѣтей - соквартирантовъ. Для каждой квартиры назначался инспекторомъ „старшій“, обязанный наблюдать за поведеніемъ и занятіями учениковъ младшихъ классовъ (старшіе, начиная съ 4-го, отъ надзора освобождались) и получавшій за это даровые столъ и квартиру и маленькую плату отъ дѣтей; но надзоръ былъ чисто номинальный, для очистки совѣсти; на дѣлѣ же онъ парализовался совмѣстнымъ съ дѣтьми житьемъ учениковъ, не подлежавшихъ надзору.

Самые бѣдные нанимали квартиры безъ стола и продовольствовались припасами, высылаемыми изъ деревень. Китченко, вслѣдъ за водвореніемъ въ Черниговѣ, обратилъ вниманіе на

эти злосчастныя квартиры и, путемъ убѣжденій, настойчивыхъ требованій и угрозъ лишить права содержать гимназистовъ, побудилъ хозяевъ наблюдать за чистотою; кое-какія улучшенія стали сразу обнаруживаться; подтянулъ онъ также и „старшихъ“: оргіи и безшабашность привычекъ нѣсколько поуменьшились.

Это были первые шаги. За этимъ онъ задался мыслію замѣнить вредное во всѣхъ отношеніяхъ пансіонерство у учителей устройствомъ пансіона при гимназіи. Обстоятельства благопріятствовали: почетнымъ попечителемъ гимназіи былъ избранъ дворянствомъ богатый, добрый и благожелательный помѣщикъ М. І. Судіенко, сразу оцѣнившій побужденія Китченка и пошедшій на встрѣчу его предположеніямъ. Совокупныя усилія ихъ, опиравшіяся на крупныя пожертвованія попечителя, увѣнчались успѣхомъ: благородный пансіонъ былъ открытъ, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ, зависѣвшихъ отъ тѣсноты помѣщенія, въ самомъ домѣ гимназіи.

Значительная часть этого небольшого стараго, 3-хъ этажнаго дома занималась прежде квартирами директора и инспектора. Китченко же въ квартирѣ своего предшественника не поселился; какъ разрѣшился квартирный вопросъ по отношеніи къ директору Ростовцеву—не знаю, но замѣнившій его вскорѣ Я. М. Невѣровъ жилъ внѣ гимназіи. Весь второй этажъ былъ освобожденъ подъ помѣщеніе пансіона, актовый залъ, единственную довольно большую комнату въ домѣ, обратили въ дортуаръ.

Обстановка пансіона была весьма скромная, но приличная; плата за полное содержаніе, съ одеждою, пищею и ученьемъ, умѣренная;—не помню цифры, но, кажется, она не превышала 150 р. въ годъ. Трудно было въ тогдашнемъ Черниговѣ подыскать сносныхъ знатоковъ иностранныхъ языковъ и искусствъ; но тѣмъ не менѣе при пансіонѣ оказались, въ качествѣ гувернеровъ, для французскаго языка почтенный и симпатичный Пагетъ, для нѣмецкаго—какой-то чудакъ, чистокровный нѣмецъ, не имѣвшій ни малѣйшаго представленія о свойствѣ своихъ обязанностей, а служившій предметомъ школьническихъ продѣлокъ; онъ же училъ и игрѣ на фортепьяно, въ которой былъ

нѣсколько сильнѣе, чѣмъ въ своей прямой спеціальности. Танцамъ училъ, за неимѣніемъ новаго лучшаго, замѣнившій старика Зайцева новый учитель чистописанія, личность весьма порядочная, но и весьма комичная, когда, со скрипкою подъ мышкою, порхалъ сильфидой, не смотря на довольно внушительный животокъ, выдѣлывая различные battements, pas de zéphyre upirouettes; усердно выламывалъ онъ ноги неповоротливыхъ хохликовъ и заставлялъ насъ отвѣшивать граціозные поклоны въ вошедшемъ было тогда въ моду lancier; но ловкихъ танцоровъ все-таки ни одного не выработалъ.

Пансіонъ, устранившій сразу язву пансіонерства у начальниковъ, былъ любимымъ дѣтищемъ Китченка: каждый день—въ будни и праздники—онъ посѣщалъ его по нѣскольку разъ, вникалъ во всѣ подробности хозяйства и быта; по праздникамъ самъ сопровождалъ воспитанниковъ въ церковь; въ высокоторжественные дни, дѣлая по тогдашнему обычаю оффиціальные визиты начальствующимъ лицамъ, бралъ съ собою всегда кого либо изъ пансіонеровъ; возилъ нѣкоторыхъ на jours fixes у губернатора и другихъ верховниковъ; словомъ, употреблялъ всѣ старанія, чтобы заинтересовать пансіономъ и заохотить состоятельныхъ людей помѣщать дѣтей въ это заведеніе. Съ учениками обращался онъ строго, съ нѣсколько даже напускною суровостію, но къ наказаніямъ, особенно тяжелымъ, прибѣгалъ лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

Оканчивая этимъ мои замѣтки, предоставляю самимъ читателямъ сдѣлать выводъ, правъ ли авторъ воспоминаній Самчевскій, утверждая, что „сѣченіе учениковъ было единственнымъ трудомъ Китченка на педагогическомъ поприщѣ“ и что „кромѣ сѣченія, онъ ничего не дѣлалъ“. Надѣюсь, что приведенные мною не слухи, а факты говорятъ сами за себя и устраняютъ надобность въ дальнѣйшихъ опроверженіяхъ.

Повторяю, послѣдующей доятельности Китченка въ Черниговѣ послѣ 1846 г. и Житомірѣ я не знаю. Помнится, въ концѣ 50-хъ или началѣ 60-хъ годовъ въ „Современникѣ“ была напе-

чатана статья Добролюбова, подъ сенсаціоннымъ заглавіемъ „всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами“, въ которой говорилось, что въ житомірской гимназіи, гдѣ директорствовалъ Китченко, число высѣченныхъ въ теченіе года въ нѣсколько разъ превышало общее число учениковъ гимназіи, и ставилось въ укоръ тогдашнему попечителю кіевскаго округа Н. И. Пирогову, что онъ отнесся къ такому возмутительному факту равнодушно и не удалилъ тотчасъ же жестокаго директора. Весьма возможно, что одинъ изъ Самчевскихъ (ихъ, сколько мнѣ извѣстно, было на педагогическомъ поприщѣ двое: отецъ, Іосифъ, долгое время инспекторствовавшій въ Новгородсѣверской гимназіи, и другой, Иванъ, мой современникъ по университету, окончившій курсъ на бывшемъ словесномъ отдѣленіи философскаго факультета) стоялъ близко къ послѣдующей дѣятельности Китченка и свои впечатлѣнія того времени перенесъ и на тотъ предшествовавшій періодъ, котораго я былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ. Но это не оправданіе: клеймить человѣка такъ, какъ заклеймевъ Китченко въ „Воспоминаніяхъ“, съ прямымъ указаніемъ на дѣятельность его именно въ Черниговѣ, допустимо лишь на основаніи неопровержимыхъ и непреложныхъ фактовъ, а не по однимъ слухамъ.

Лично я никогда не былъ партизаномъ Китченка; не смотря на его особую благосклонность ко мнѣ, выражавшуюся и въ сравнительно снисходительномъ отношеніи къ моимъ весьма крупнымъ шалостямъ, и въ томъ, что едва ли не одному мнѣ онъ давалъ читать составлявшія тогда запретный плодъ рукописныя стихотворенія малороссійскихъ поэтовъ и едвали не одного меня бралъ съ собою при оффиціальныхъ своихъ визитахъ. Всегдашняя суровость и рѣзкость его меня запугивали и заставляли нравственно сжиматься. Чрезъ 40 лѣтъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, неожиданная случайность вызвала между нами обмѣнъ нѣсколькими письмами. Тутъ только, изъ писемъ этого 80 лѣтняго старца, убѣдился я, что подъ суровою внѣшностью его таилось отзывчивое и способное къ добрымъ движеніямъ сердце, что суровость эта, соотвѣтствовавшая духу того суроваго времени, была чисто напускною и что онъ со-

хранилъ до глубокой старости и полную ясность недюжиннаго ума, и самое теплое воспоминаніе о многихъ изъ своихъ многочисленныхъ питомцевъ. А что онъ не былъ выше своего времени и шелъ въ уровень съ тогдашними требованіями—поставлено въ укоръ ему быть не можетъ.

Л. Рудановскій.